

Художники, чей глаз давно был натренирован на сотни набросков, и без цифр прекрасно представляли, какие у него пропорции.

Сосед Фу Гэ по комнате наклонился ближе и сдавленно усмехнулся:

— Эй, дружище, ты вообще понимаешь, насколько тебе повезло?

— Да замолчи ты, — простонал Фу Гэ, чувствуя, как пламя румянца подбирается уже к ушам.

Видя, что ситуация выходит из-под контроля, он бросил на Ци Ханя умоляющий взгляд.

Тот с лёгким вздохом опустил веки, плотно сжал губы и ответил сухо:

— Простите, но эти данные конфиденциальны.

Потом чуть приподнял термосы и спокойно добавил:

— К тому же, урок уже закончился, а мой обед остывает.

Наконец прозвенел звонок, и студенты, уже умирая от голода, кинулись к выходу.

Ци Хань, двигаясь против потока, вошёл в аудиторию и остановился рядом с Фу Гэ.

Опершись на стол, он наклонился ближе и склонил голову, изучая его сверху вниз.

— Я тут заметил одну вещь, — голос его был ровным, но в нём звучала лёгкая, едва уловимая ревность.

Фу Гэ даже не попытался подняться. Он лениво положил голову на сложенные руки и, чуть сощурившись, посмотрел на него снизу вверх.

— Ци Хань, ты только пришёл, а уже устраиваешь разборки? Между прочим, я тут сижу голодный.

Альфа усмехнулся, но голос его стал на тон теплее:

— Если голодный - говори мне. Но вот почему, когда меня нет, ты спокойно принимаешь чай

от других?

Фу Гэ фыркнул.

— Ты взрослый мужик, а ревнуешь как ребёнок.

— И?

— Я их даже не замечал. Сказал, что у меня есть парень, но они не поверили.

Ци Хань потянулся и легко сжал его за шею, пальцами скользнув по тёплой коже.

— Теперь поверят.

После чего просто взял его за руку и поднял на ноги, увлекая за собой.

Уже в коридоре, пока они шли к выходу, он мимоходом поинтересовался:

— Тебе только парни чай таскали? Ни одной девушки?

Фу Гэ никогда особо не заморачивался насчёт таких вещей, поэтому только пожал плечами:

— Без понятия. В один из дождливых дней у меня на парте внезапно скопилась гора стаканов, кто принёс – не знаю. После этого их стало только больше. Сколько ни говорил, всё без толку.

Ци Хань скривил губы:

— Ты же обожаешь сладкое. Неужели хоть раз не соблазнился на их «сахарную» атаку?

Фу Гэ с трудом сдерживал улыбку, но, чтобы его позлить, нарочно протянул:

— Ну-у... не факт. Ты же сам запрещаешь мне пить эту гадость, может, я решил воспользоваться ситуацией?

— Да ты прям смелый сегодня, — Ци Хань прищурился, а потом, без предупреждения, резко сжал его за талию, притягивая к себе.

Даже при том, что в аудитории уже никого не было, Фу Гэ замялся, исподлобья посмотрел на него и, сдаваясь, тихо пробормотал:

— Ну хватит, ревнивец. Не ворчи.

Он потянулся, обхватил пальцы Ци Ханя, несильно сжал и легонько потряс, уговаривающе:

— Я ведь никогда ни у кого ничего не брал. Сказал, что у меня есть парень, и что всё, что мне нужно, он мне сам купит. Я вообще молодец, да?

Ци Хань, наконец, смягчился.

— Ну, на проходной балл ты сдал, — протянул он, а потом лениво добавил: — В награду куплю тебе сто стаканов чая.

Фу Гэ прищурился, уголки губ дрогнули в улыбке:

— И все мне? Мне одному?

Ци Хань спокойно заявил:

— А кто сказал, что я куплю это тебе?

Фу Гэ недоумённо посмотрел на него:

— Тогда зачем ты вообще покупаешь?

Ци Хань, с самым невинным видом, ответил:

— Чтобы ты меня кормил. Я пью, ты смотришь. Я даже пожертвую собой и помогу тебе насладиться зрелищем.

Фу Гэ: «...»

Фу Гэ:

— Ну ты и заботливый, конечно.

На словах строгий, а на деле стоит только попросить — и он тут же сдаётся.

Фу Гэ лишь вскользь упомянул, что хочет чай, и Ци Хань уже мчался занимать очередь в самой популярной точке города.

Выбрал, разумеется, самый хитовый напиток – густой фиолетовый чай, напичканный чем только можно: желе, шарики, кусочки фруктов, семена, сверху ещё и овсяные хлопья.

Ци Хань, с явным отвращением глядя на этот хаос в стакане, только фыркнул:

— Какая-то сборная солянка.

Потом серьёзно предупредил:

— Только один глоток. Я тебе суп сварил, если ты накинешься на это, потом опять нормально есть не будешь.

Фу Гэ, старательно кивая:

— Конечно-конечно.

А сам тут же вцепился в трубочку, припав к стакану, как голодный котёнок.

Ци Хань молча наблюдал, как он втягивает через трубочку кусочки желе, щёки при этом чуть раздуваются, губы сжаты плотно, сосредоточенно.

Глядя на него, даже ругать расхотелось. Но вредничать захотелось ещё больше.

Ци Хань чуть сжал стакан в руке и медленно отодвинул его назад.

Фу Гэ, даже не замечая, потянулся вперёд, продолжая тянуть напиток.

Ци Хань снова отодвинул – и снова Фу Гэ подался за стаканом, пока не уткнулся носом прямо в его грудь.

— Ты что творишь? — невинно удивился Ци Хань. — Я что, на себя чай вылил, что ты в меня врезался?

Фу Гэ даже не разозлился. Он лишь чуть прищурился, затем легко приподнялся на носках – и в следующий миг его губы уже прижались к губам Ци Ханя.

Тёплые, мягкие, с лёгким привкусом сладости. А потом – ещё и язык, осторожно скользнувший между его губ, невинно дразнящий.

Ци Хань завис.

Ровно на секунду.

А затем резко взял контроль в свои руки, с размаху прижал его к капоту машины, прижимаясь так, что воздуха между ними почти не осталось.

Губы Фу Гэ тут же покраснели, на бледной коже шеи вспыхнули алые отметины. Ци Хань и не думал останавливаться – целовал, впивался, словно намеренно помечая, как хищник.

— Хватит... — Фу Гэ вздохнул, обнимая его за шею. — Уже достаточно.

Ци Хань, покусывая его ключицу, лениво пробормотал:

— Да? А твои соседи по комнате говорили, что у тебя плечи прямо усеяны «клубникой».

Фу Гэ закатил глаза.

— Ты бы ещё отзывы собрал.

Ци Хань медленно поднял голову, взгляд его скользнул по оставленному на столе молочному чаю, и внезапно на губах мелькнула ленивая, почти насмешливая улыбка. Он провёл пальцем по следу укуса и хрипло бросил:

— Это не клубника. Виноградное желе.

Первая пара после обеда начиналась слишком скоро, у Фу Гэ оставался всего час на отдых — слишком мало, чтобы вернуться в общежитие, так что он просто остался рядом.

Ци Хань, предвидя такое развитие событий, заранее притащил сюда дом на колёсах. Опустил сиденья, превратив задний ряд в импровизированную постель, разложил тёплый плед, приготовил маленькую подушку — всё для того, чтобы уютно зарыться в эту временную берлогу.

Они лежали, плотно прижавшись друг к другу, скрытые за плотными шторками, укрытые мягким одеялом, окружённые насыщенным, густым, почти удушающим ароматом феромонов. Тепло и полумрак навевали сонливость, воздух был вязким, словно сам намекал: засыпай, не думай ни о чём.

— Сегодня ты такой хороший, мой щеночек... — Ци Хань склонился ближе, касаясь губами сначала лба, потом опускаясь ниже, к переносице, к уголку глаза, голос его был тихий, тягучий. — Хочешь, почитаю тебе? Я выбрал одну историю, брату точно понравится.

— Не надо... — Фу Гэ обнял его, уткнувшись горячим лицом в грудь, закрыв глаза и блаженно выдохнув. — Просто спи. Ты устал. Я рядом, и этого достаточно, чтобы выспаться.

Ци Хань действительно был вымотан до предела, одной ночи сна ему явно не хватало, а уж когда Фу Гэ не было рядом, так и вовсе не мог толком заснуть. Теперь же, когда тот лежал у него в руках, теплый, расслабленный, послушный, внутреннее напряжение отпустило, и усталость тут же взяла своё. Проведя ладонью по его шее, он мгновенно провалился в сон.

Будильник зазвонил слишком рано, отвратительно вырывая их из этого кокона уюта. Ци Хань нахмурился, недовольно буркнул что-то неразборчивое, уткнулся носом в плечо Фу Гэ и, не открывая глаз, хрипло рассмеялся.

— М-м?.. — Фу Гэ сонно потёр глаза. — Что?

— Приснился сон. — Голос у Ци Ханя был севший, ленивый, с оттенком утренней хрипотцы. — Будто ты вдруг уменьшился, стал крошечным, с ладонь размером... и с кошачьими ушами.

Он даже потянулся пальцами, поглаживая макушку, словно проверяя, нет ли там чего лишнего, потом продолжил:

— Ты был такой маленький, сидел у меня на ладони. Я тронул твое лицо, а ты вцепился в мой палец, пытался прокусить, злился, рвал зубами, но ничего не мог сделать, и от злости у тебя на глазах навернулись слёзы.

Фу Гэ, не открывая глаз, улыбнулся.

— И всё?

— Нет. — Ци Хань замолчал, глаза прищурились, улыбка стала тёмной. — Остальное я тебе не скажу.

— Хм? — Фу Гэ протянул, в полудрёме не до конца веря. — Грязнее, чем то, что ты вытворял наяву?

Ци Хань натянул на себя майку, но услышав эти слова, резко развернулся, наклонился, прижался губами к его уху и чётко, по слогам, выдал:

— Я видел, как ты, крошечный, обнимал мой палец и прижимал его между ног.